

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ CULTURAL AND EDUCATIONAL ADAPTATION OF MIGRANTS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 92—107.
Siberia Humanitarian. 2024;(2):92—107.

Культурно-образовательная адаптация мигрантов

Научная статья
УДК 314.74-053.81(575.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-92-107

**Историческая память образовательных мигрантов
из Центральной Азии в Томске: социально-политические
трансформации Киргизской Республики в XX—XXI вв. глазами
киргизской молодежи**

Диана Евгеньевна Брызгина¹, Антон Алексеевич Садырин²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

¹ br.diana21@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>

² sadyrin.1994@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8736-8793>

Аннотация. Статья посвящена изучению нарративов исторической памяти киргизских студентов в Томске. Материалы полуструктурированных интервью с образовательными мигрантами из Киргизии дают представление о восприятии киргизской молодежью различных периодов в истории республики. На первый план выдвигаются нарративы о советском прошлом как едином пути развития Киргизии и России. Ностальгия по советскому прошлому и репрезентация последствий распада СССР определяют оценку политических кризисов, пережитых страной в начале XXI в. Включение этих элементов исторической памяти в повседневное знание определяет жизненные траектории образовательных мигрантов, связывающих свое будущее с Россией.

Ключевые слова: миграция, образовательные мигранты, историческая память, Киргизия, киргизские студенты, идентичность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке государственной программы развития университетов «Приоритет—2030».

Для цитирования: Брызгина Д. Е., Садырин А. А. Историческая память образовательных мигрантов из Центральной Азии в Томске: социально-политические трансформации Киргизской Республики в XX—XXI вв. глазами киргизской молодежи // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 92—107. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-92-107.

Cultural and educational adaptation of migrants

Original article

Historical memory of educational migrants from Central Asia in Tomsk: socio-political transformations of the Kyrgyz Republic in the XX—XXI centuries by the heads of Kyrgyz youth

Diana E. Bryazgina¹, Anton A. Sadyrin²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ br.diana21@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5405>

² sadyrin.1994@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8736-8793>

Abstract. The article is devoted to the study of narratives of the historical memory of Kyrgyz students in Tomsk. The materials of semi-formalized interviews with educational migrants from Kyrgyzstan give an idea of the perception of Kyrgyz youth of various periods in the history of the republic. Narratives about the Soviet past as a single path of development for Kyrgyzstan and Russia come to the fore. Nostalgia for the Soviet past and the representation of the consequences of the collapse of the USSR determine the assessment of the political crises experienced by the country at the beginning of the XXI century. The inclusion of these elements of historical memory in everyday knowledge determines the life trajectories of educational migrants who connect their future with Russia.

Keywords: migration, educational migrants, historical memory, Kyrgyzstan, Kyrgyz students, identity

Acknowledgments: The study was carried out with the support of the state university development program Priority 2030.

For citation: Bryazgina D.E., Sadyrin A.A. Historical Memory of Educational Migrants from Central Asia in Tomsk: Socio-political Transformations of the Kyrgyz Republic in the XX—XXI Centuries by the Heads of Kyrgyz Youth. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):92—107. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-92-107.

Введение

На фоне интеграционных процессов, разворачивающихся на евразийском пространстве в последние десятилетия, возникает ряд вопросов о перспективах и вызовах сотрудничества России со странами Центральной Азии, в условиях политической нестабильности [1, с. 40—46]. Одним из важнейших ресурсов, обеспечивающих основу для поддержания социального порядка в данном регионе, являются представления населения об историческом пути развития, который обеспечил сосуществование различных народов в едином политическом и социокультурном поле. Длительное совместное сосуществование членов общества, разделенных религиозными, культурными, бытовыми практиками, в рамках единого государства, консолидация в период кризисов и военных конфликтов, противостояние общему врагу во многом обуславливают особенности текущих процессов и взаимодействий, несмотря на изменившуюся социально-политическую реальность. В то же время политические трансформации конца XX в. приводят к тому, что в повестке уже независимых республик фокус смещается на поиск и конструирование собственного исторического пути развития, который обеспечивает легитимацию новой власти и сплочение населения вокруг нее на основе осознания и поддержания собственной идентичности.

Одним из ключевых инструментов в этом контексте выступает политика памяти [2, с. 63—81], которая призвана конституировать процесс нациестроительства в образованных после распада СССР центральноазиатских республиках. Курс на переосмысление наиболее значимых исторических событий и распространение новой версии истории, характеризующие поли-

тику памяти государств постсоветского пространства [3, с. 307—325], порождает проблему соотношения различных форм исторического знания и его отражения в представлениях людей. В связи с этим актуализируются вопросы возникновения новых нарративов исторического знания о советском прошлом независимых республик: как они соотносятся с существующими представлениями населения о пережитом прошлом, основанном не только на официальных трактовках истории, но и на собственном опыте? Какое влияние новые интерпретации оказывают на самоидентификацию и социальные взаимодействия людей?

В нашем исследовании мы проанализируем, каким образом в исторической памяти киргизской молодежи, проживающей на территории Томска, отражаются социальные и политические кризисы XX—XXI вв. Восприятие национальной истории молодыми людьми из Киргизии имеет значение для интеграционных процессов в Евразии, так как является одним из ключевых элементов, определяющих механизмы социализации и самоидентификации молодых людей, а также индикатором передачи общепризнанных социокультурных ценностей, составляющих основу консолидации общества страны исхода [4, с. 482—496]. Более того, это важно для выстраивания межэтнического взаимодействия в контексте миграционных процессов на принимающей территории. Несмотря на общий исторический контекст, восприятие тех или иных событий, которые тесно связаны с этнической проблематикой, может быть различным и оказывать влияние на характер межэтнических отношений в контексте взаимодействия мигрантов и принимающего общества [5, с. 112—117].

По данным Всероссийской переписи населения 2020—2021 гг., численность киргизов, постоянно проживающих на территории Томской области, составляла 1 301 человек [6]. Помимо этого, по данным текущего учета, в регион ежегодно приезжает около тысячи человек из Киргизии в качестве трудовых и образовательных мигрантов [7]. Пребывание мигрантов в инокультурной и иноэтнической среде обуславливает актуализацию идентичности диаспоры, в том числе через нарративы, составляющие основу коллективной памяти ее представителей [8, с. 33—42]. Таким образом, изучение исторической памяти киргизской молодежи в Томске играет важную роль для выявления факторов, определяющих идентификацию молодых людей из Киргизской Республики.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых нарративов исторической памяти молодых людей из Киргизии, проживающих в Томске, а также оценке их роли в восприятии современных политических кризисов и выстраивании собственных жизненных стратегий.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что в исторической памяти киргизской молодежи, приезжающей в Томск, сохраняются представления об общем историческом пути Киргизии и России. В данных представлениях Россия выступает в качестве неотъемлемого союзника в условиях пережитых кризисов.

Исследования, посвященные изучению различных форм и аспектов исторической памяти в Киргизской Республике, сфокусированы преимущественно на ее функциональности в рамках национальной политики с целью конструирования и поддержания идентичности населения республики [9, с. 131—148 ; 10]. Исследователи отмечают, что власти Киргизской Республики стремятся выстроить единую историческую парадигму, основанную на преемственности событий советского и постсоветского периодов [11, с. 303—316]. Отсутствие единой парадигмы восприятия значимых политических событий киргизским обществом приводит к тому, что население воспринимает подобные меры как попытку создания искусственной связи между событиями этих периодов.

Попытки осмысления мер по трансформации исторической памяти населения как части национальной политики Киргизии активно изучаются на примере проявления элементов коллективной памяти в восприятии Ошских событий 2010 г. [12, с. 25—54; 13, с. 204—221] Так, Э. Хэрроуэл [14, с. 203—225], демонстрируя взаимосвязь между памятью, пространством и идентичностью в постсоветской Киргизии на примере отражения Ошского конфликта через сравнительный анализ того, каким образом память об этих событиях инкорпорируется в пространство города «сверху» и стихийно («снизу»), утверждает, что, несмотря на общность образов, формируемых в рамках обоих подходов, их навязывание «сверху» может усугубить существующие противоречия и привести к новым конфликтам. Подобные подходы эффективны в поддержании общенациональной идентичности, которая оценивается не всегда однозначно.

Изучение нарративов исторической памяти о социальных и политических конфликтах в истории Киргизской Республики проявляется не только в анализе их функций для современного государства, но и в определении места повседневного опыта в восприятии исторического прошлого, связанного прежде всего с советским периодом [15, с. 157—175; 16, с. 25—48; 17, с. 21—38]. В связи с этим формируется две ключевые точки зрения: с одной стороны, подчеркивается, что под влиянием текущих социальных потрясений актуализируются знания и представления о прошлом как реакция и поиск ответов на текущие вызовы [18, с. 265—276], с другой стороны, представляется, что социальные потрясения, которые проживает киргизское общество после обретения независимости, становятся триггером, запускающим трансформацию коллективной памяти, в результате чего происходит переосмысление исторического опыта как на индивидуальном, так и на коллективном уровне [19, с. 192—213].

Важно отметить, что подавляющее большинство работ, посвященных анализу различных аспектов исторической памяти киргизов, фокусируется на внутрисполитической ситуации и роли этих процессов в рамках национальной политики страны. Некоторые работы расширяют рамки до изучения данных процессов в других центральноазиатских республиках, представляя их сравнительный анализ. В то же время практически отсутствуют исследования, в которых рассматривается историческая память киргизской диаспоры. В немногочисленных публикациях, затрагивающих данную проблему, акцентируется внимание на том, что в условиях миграции и пребывания в окружении большинства историческая память актуализируется как механизм поддержания собственной идентичности и связей с родиной [20, с. 1—16]. Однако эта тема в имеющихся публикациях упоминается как данность и фактически не проблематизируется, за исключением исследования J. Wang, которое посвящено анализу роли исторической памяти киргизской диаспоры в Китае в формировании транснациональных связей в Азии в контексте мусульманского пространства [21, с. 1—18].

Таким образом, представленные модели формируют идеи и концепты, которые позволяют выстроить единое методологическое поле, отражающее реалии изучаемого объекта с учетом главной задачи исследования — выявления нарративов исторической памяти представителей киргизской диаспоры Томской области о кризисах XX—XXI вв. С одной стороны, специфика изучаемой проблемы, с другой — отсутствие единого понимания исторической памяти как исследовательской темы при существующем многообразии подходов требуют разработки концептуального дизайна исследования, включающего комплекс идей и методик анализа.

В своем исследовании мы обращаемся к нескольким ключевым идеям, которые разработаны как в классических, так и в новых исследованиях исторической памяти. Прежде всего мы опираемся на фундаментальные наработки М. Хальбвакса [22], который подчеркивал, что конструирование

исторической памяти происходит на основе общепринятых и социально разделяемых норм и ценностей. Они, в свою очередь, устанавливаются в результате коммуникативных взаимодействий. Особую роль в этом процессе играют семья и семейная история, которые позволяют реконструировать те или иные исторические события во взаимосвязи с настоящим, сближая «письменную историю» с «прожитой историей» [22].

Не менее важным для нашего исследования представляется концепт «коммуникативной памяти», разработанный Я. Ассманом [23, с. 125—133] и А. Ассман [24]. Данный концепт фокусируется на относительно недавних событиях истории, которые позволяют рассматривать собственные воспоминания и личный опыт информантов как часть формируемой исторической памяти о событиях конца XX — начала XXI в. Данная идея подчеркивает гибкость формируемых представлений, которые могут существенно трансформироваться с течением времени и встроиться в уже устоявшиеся нарративы, которые исследователи обозначили как «культурная память» [24]. Данная методологическая схема объясняет, каким образом соотносятся два типа памяти и каким образом их соотношение трансформируется в «коллективный опыт» и определяет идентичность его носителей. Наконец, не менее важным представляется подход, который формируется в рамках транснационального поворота в *memory studies* [25, с. 166—194]. Объяснительная ценность данных концепций позволяет учитывать в анализе особенности производства образов и представлений об истории в рамках диаспоральных сообществ, которые часто обращаются к исторической памяти с целью сохранения собственной идентичности в условиях пребывания в «другом» обществе, в то же время трансформируя собственные представления под влиянием коммуникации с принимающей средой. Кроме того, это позволяет сфокусироваться на репрезентациях событий XX в., которые, с одной стороны, тесно связаны с национальными особенностями истории Киргизии, с другой — отсылают к общему с Россией советскому прошлому.

Эмпирическую базу исследования составляет 15 полуформализованных интервью с молодыми людьми, приехавшими из Киргизской Республики в Томск в возрасте от 18 до 23 лет. Данные исследовательские интервью проводились с юношами и девушками из Киргизии, которые в данный момент являются студентами разных факультетов и институтов Томского государственного университета. Критерием отбора участников исследования была их этническая принадлежность. Каждый из информантов называл себя этническим киргизом. Поиск собеседников осуществлялся посредством метода «снежного кома», что, на наш взгляд, является наиболее успешной формой в рамках проведенного исследования. Наши собеседники активно делились контактами своих соседей по общежитию или друзей, которые также являлись студентами-киргизами.

Вопросы интервью были направлены на выявление опыта респондентов в изучении истории Киргизии и отношения к ее событиям, на определение восприятия значения исторического контекста для самоидентификации, а также на выявление представлений о социальных и политических кризисах XX—XXI вв. (восстание 1916 г., Гражданская война, межнациональный конфликт на юге Киргизии 1990 г., распад СССР; Апрельская революция 2010 г., а также политический кризис 2022—2023 гг.) и их месте в истории республики.

Большинство участников исследования были выходцами из северной части Киргизии. На данный момент у нас нет готового ответа, почему жители именно этого региона выбирают Томск в качестве места, где они готовы продолжить свое образование. Можем лишь предположить, что на данное явление влияет географическая близость Северной Киргизии к Сибири, активная работа Томского государственного университета по привлечению

студентов в Бишкеке, а также давняя крепкая историческая связь этой части республики с Россией (включая периоды Российской империи и СССР). Однако мы считаем крайне важным упомянуть данный факт в рамках описания информантов, с которыми проводились интервью, так как это могло влиять на характер ответов участников исследования и на те выводы, к которым мы пришли.

Гайд интервью можно разделить на два больших блока. Первый блок был связан с вопросами, которые относятся к источнику знаний об истории своей страны, школьной истории и ее восприятию информантами, а также отношению собеседников к истории Киргизии, ее знаковым личностям и ключевым событиям, повлиявшим на современных киргизов. Вопросы данного блока носили дискуссионный характер и вызывали в ходе беседы самостоятельное повествование и рефлексии информантов. Вопросы же второго блока, который, скорее, можно назвать экспертным, были направлены на знание конкретных исторических событий XX столетия, выделенных нами в качестве поворотных или кризисных для республики. Ответы на эти вопросы почти всех собеседников носили отрывочный характер, информанты путали даты и время, события и исторические личности. Такой формат ответов вызывал у собеседников чувство стыда и вины от незнания истории своей страны, что явилось причиной дальнейшего отказа от повествования и нарушения (разрушения) ранее выстроенных в процессе интервью эмпатических связей (которые приходилось выстраивать вновь, утешая информантов и сопереживая им). На наш взгляд, эти важные, возникшие в ходе полевой работы ограничения должны быть упомянуты и описаны нами в данной статье.

Не допустить ошибок прошлого: формирование и трансформация исторической памяти киргизской молодежи

Формирование представлений молодежи об истории своей страны как части мировоззренческих установок начинается со школы. Рассматривая вслед за М. Хальбваксом историческую память как механизм воспроизводства социокультурных установок общества, обеспечивающих инкорпорацию молодых поколений в рамках поликультурного пространства [22, с. 37], мы особое внимание уделяем тому, какое влияние изучение истории Киргизии в школе, представляющей важнейший институт социализации, оказывает на восприятие событий, сопряженных с кризисами и конфликтами.

Важность знания истории своей страны большинством участников исследования объясняется через формулу *Historia magistra vitae*. Наши собеседники отмечали, что знание истории не позволяет повторять ошибок прошлого, делает тебя человеком, который может критически относиться к тем или иным событиям, людям и явлениям, происходящим в твоей жизни. Помимо этого, была актуальна и позиция, связанная с поиском себя и своего места в мире. По утверждениям информантов, знание истории своего народа помогает в самоидентификации, включая этническую и культурную самоидентификации.

Воспоминания о школьных уроках истории Киргизской Республики вызывают у студентов положительные эмоции и даже чувство ностальгии, несмотря на сложности, возникавшие в учебном процессе. Некоторые молодые люди подчеркивали, что именно благодаря данному предмету или учителю они приняли решение и смогли поступить в университет в России: «Я учил ее (историю Киргизии. — Авт.) в школе. У нас учительница была из Казахстана. Она преподавала нам историю Кыргызстана, а также заставляла учить историю России, так как говорила, что она вам понадобится. Вы поступите в Россию».

При этом декларирование знания истории киргизов и Киргизии в мыслях информантов спокойно соседствует с отсутствием интереса к этой истории.

Ряд собеседников отмечали, что история их страны не интересна и сводится лишь к постоянному противостоянию и вражде между отдельными племенами и кланами. История России или США им видится более привлекательной, некоторые из информантов в свободное время обращались к изучению истории именно этих государств. В данный момент студенты из Киргизской Республики в российских вузах изучают историю России. Для некоторых участников исследования это является возможностью восполнить те пробелы и удовлетворить те образовательные запросы, которые возникли в рамках школьного курса истории: *«Сейчас в университете мы изучаем историю России, в данный момент интересна прежде всего история России. Сейчас еще добавился интересный курс „Основы российской государственности“. Очень интересно, как Россия развивалась»*.

Школьные уроки истории оцениваются респондентами не как основной источник исторического знания, а, скорее, как процесс усвоения национальных и общегражданских ценностей. В этом процессе определяющую роль играет фигура учителя истории, который, с одной стороны, определяет учебный процесс, с другой — выполняет воспитательную функцию, которая состоит в обосновании значения исторического знания для учеников: *«Относительно истории Кыргызстана, я учил ее только в школе, но, можно сказать, углубленно изучал, так как она (учительница. — Авт.) была строгая. Она была не как рядовые учительницы — базовый материал... Она прям углубленно спрашивала... <...> Она говорила, что историю надо учить всем без исключения и понимать ее. Не просто зубрить ее, а именно понимать, чтобы не повторить ошибки в будущем»*.

Сама фигура школьного учителя истории большинством респондентов воспринимается исключительно положительно, учитель не влиял на негативное (скучное) восприятие истории своего народа. Однако в контексте школьного образования и оценки роли учителя большинство участников исследования отмечают, что наиболее ярко преподаваемое и часто упоминаемое время в истории Киргизии связано с советским периодом. Поэтому, по мнению информантов, наиболее полное знание истории своего государства относится к тому времени, когда Киргизия была частью СССР. Некоторые наши собеседники считают распад Советского Союза травмирующим опытом для киргизской государственности и идентичности. Эволюционная парадигма истории киргизов в период СССР видится информантам расцветом их народа, а распад общего государства воспринимается в контексте упадка: *«Лучше бы перестройка не начиналась, потому что возникло множество межнациональных конфликтов. Лучше бы была единая страна»*.

«Кыргызы до этого скакали по горам, и все. У нас были глиняные дома, из сена вперемешку. Вот эти юрты. И вот в принципе СССР вторгся, точнее там были некоторые политические делишки, и появилась Киргизская ССР. И началось строительство. У нас до сих пор стоят советские здания, они до сих пор используются. Не знаю, как бы выглядел сейчас Кыргызстан без вмешательства СССР. Я не знаю даже».

«Со времен распада союза всем странам было тяжело, потому что каждая страна друг друга чем-то дополняла, кто-то сырьем, кто-то техникой, поэтому после распада всем было трудно очень. Кризис там был».

«СССР пришел, очень помог Кыргызстану, потому что наш народ любил <...> наш народ очень кочевой народ. Когда пришел СССР, у нас в Кыргызстане много чего изменилось, потому что учеба и грамотность, особенно у нас грамотность. Половина людей с Кыргызстана никто не умел читать что-то и считать, вот СССР, после СССР у нас грамотность очень повысилась».

Можно отметить, что причины политических кризисов и потрясений, переживаемых Киргизской Республикой в начале текущего столетия, в представлениях молодежи имеют явную причинно-следственную связь с распа-

дом СССР, но не с противоречиями советской политики в данном регионе. Важную роль в восприятии этих процессов играют представления старших родственников, транслирующих ностальгические воспоминания и позитивный опыт жизни в составе СССР. Их наложение на дальнейшие политические кризисы, происходящие уже на глазах у нынешнего поколения, сказывается на сопоставлении настоящего с недавним прошлым и формирует прямую взаимосвязь, в частности с событиями 2010 г.: *«Многие люди, кого спрашиваешь, все бы отдали, чтобы Советский Союз восстановить. Ну, все, кто жил в то время. Я сам не знаю, как в то время жилось. Я могу смотреть фильмы или слушать рассказы... Я не могу знать, как это было. Но судя по их рассказам, было очень хорошо. Вот».*

В рассуждениях о ходе перемен и последствиях распада СССР для Киргизии у студентов достаточно ярко проявляются положительные оценки советского периода истории. В связи с этим выход из состава Советского Союза и обретение независимости рассматривается молодыми людьми как национальная трагедия. С одной стороны, это связано с последовавшими за этими процессами кризисом и социально-политической нестабильностью. С другой стороны, именно эти события, по мнению большинства респондентов, послужили началом тяжелого периода в истории существования республики: *«Я это не считаю важным моментом, потому что особо ничего и не изменилось. Хоть и страна получила независимость, но там... Как бы сказать... Лучшие бы уж мы оставались в составе Советского Союза или как-то с Россией более тесно сотрудничали, чем сейчас происходит. <...> Мы получили только название отдельного государства и другую валюту, другой флаг. Все. А так, ничего хорошего из этого не вышло».*

Однако ностальгически воспринимается не только советский период истории Киргизии, но и имперский. Участники исследования в контексте «имперского сознания» отмечают, что падение Российской империи является травмирующим историческим событием, так как были потеряны значительные территории: *«В ходе Гражданской войны и Первой мировой войны было потеряно много территорий Российской империи, это трагедия».*

Следует отметить, что нарративы о событиях, которые происходили до формирования Советского Союза, отличаются скудными подробностями и практически никак не соотносятся с настоящим. Как объясняют сами респонденты, к этому периоду проявляется меньше интереса со стороны молодых людей: *«Это глупо — пытаться вешать грехи отцов на детей и потом пытаться с них спрашивать это. Я считаю это глупо. Это мнимые дни как бы уже... <...> Уже не имеет смысла то, что было раньше».*

Помимо этого, указанный исторический период актуализируется участниками исследования в вопросах, связанных с историческими личностями, повлиявшими на историю современной Киргизии. Особое внимание информанты уделяют фигуре и деятельности Курманжан датки. Судя по характеру ответов наших собеседников, в значительной мере на актуализацию данной исторической личности повлиял вышедший в прокат в 2014 г. художественный фильм «Курманжан датка. Королева гор» режиссера Садыка Жер-Нияза. Время выхода в прокат и демонстрации фильма в рамках образовательных практик школьными учителями совпадает с периодом получения информантами школьного образования. Данный факт может являться объяснением того, почему именно Курманжан датка — наиболее влиятельная фигура для нынешнего поколения. В рамках имперского периода собеседниками отмечалась и роль племени Бугу, которое в 1855 г. приняло российское подданство. По мнению информантов, данное историческое событие (наравне с вхождением в состав СССР) позволило сохранить киргизскую национальность: *«...Российское подданство позволило перейти от кочевого образа жизни к оседлому. Благодаря вхождению в состав империи племени Бугу удалось сохранить свою национальность».*

Досоветский период также рассматривался участниками исследования в контексте героического эпоса «Манас», знания о котором в большей мере информанты получали не на уроках истории, а на уроках киргизской литературы (Кыргыз адабияты). При этом для большинства собеседников Манас все же является исторической личностью, в значительной мере повлиявшей на личную мотивацию и патриотизм: *«Манас является наиболее важным в истории Кыргызстана. Эпос «Манас» — начало истории. Манас — мотивация, наш предок, у него много достижений, защищал свою родину от разных врагов, я горжусь своей страной, потому что мой предок Манас»*. В список достижений в рамках истории Киргизской Республики некоторыми собеседниками также выносятся период «Кыргызского великодержавия». Данный исторический отрезок воспринимается как время первой государственности киргизов, вызывающее чувство гордости за свою родину: *«Кыргызское великодержавие очень важно, т. к. появилось первое государство кыргызов»*.

Период независимой Киргизии у собеседников тесно связан с революциями, происходящими в стране, а также с фигурой бывшего президента республики К. С. Бакиева, который для большинства участников исследования является антигероем. При К. С. Бакиеве, по мнению информантов, был наиболее высокий уровень коррупции, а также клановая внутриполитическая борьба, мешавшая развитию независимой Киргизии. Все это привело к «апрельской революции» 2010 г., о которой что-либо знают абсолютно все участники исследования: *«Кыргызы любят делиться на племена, если один клан наверху, то начинается борьба. Грустно, что такая ситуация в Кыргызстане, так как можно компетентного человека поставить, а становится чей-то родственник»*.

О событиях февраля 2022 г. участники исследования говорят отстраненно и с осторожностью. Они отмечают, что введение российских войск в Украину никак не повлияло на их образование в России. В контексте кризиса о данных событиях никто из информантов не говорит. Скорее, об этом говорится в контексте ограничений, прежде всего экономических: рост курса валют, повышение цен на продукты питания и жилье. Помимо этого, каждый из собеседников выделил проблему наплыва русскоязычных релокантов в Киргизскую Республику как после начала специальной военной операции, так и после объявления в России частичной мобилизации в сентябре 2022 г. По мнению информантов, в Киргизии в связи с этим возникло два сообщества «русских»: 1) «свои», изначально проживавшие в Киргизии и 2) «чужие», или «приезжие», которые в значительной степени отличаются от русскоязычных местных жителей своими культурными и социальными паттернами. Данная ситуация актуализирует межнациональную напряженность, которая проявляется в языковой и этнической дискриминации «чужих русских».

Переосмысление истории: структура исторической памяти образовательных мигрантов из Киргизской Республики

Анализ результатов полевого исследования демонстрирует, что основное место в исторической памяти томских студентов из Киргизской Республики занимают нарративы о советском периоде истории республики. С одной стороны, восприятие и оценка роли СССР в истории Киргизии зиждется на историческом знании, полученном в рамках школьного образования, и его интерпретациях учителями, которые, по словам респондентов, фокусируют учеников на изучении именно этого периода. Такой подход фактически отражает официальную позицию республики в отношении к собственному прошлому. Несмотря на ориентацию руководства страны после обретения независимости на поиск оснований, укореняющих национальную идентичность населения, и политику этнического национализма [26, с. 73—75], по-

литика памяти в Киргизии сохраняет неразрывную связь с советским прошлым, что проявляется в сохранении традиции празднования общегосударственных праздников, установленных еще в советское время, а также в заявлениях первых лиц государства о роли России в истории страны [27, с. 92—107]. С другой стороны, все еще сильны представления о пережитом прошлом старшего поколения и близких родственников, а также их описания, которые транслируют собственное восприятие пережитых событий на молодежь. В такой конфигурации «письменная история» органично сочетается с «пережитой историей» и определяет собственный опыт проживания и оценивания кризисов текущего столетия.

В свою очередь, поиск нациеобразующих основ киргизского общества приводит к актуализации в исторической памяти нарративов о процессах формирования ранних форм киргизской государственности и этнической идентичности. Представления об этих процессах занимают значимое, но не доминирующее место в структуре исторических знаний молодого поколения: оценка событий, связанных с объединением племен, формированием «кыргызского великодержавия», подвигов Манаса и других явлений — все это интерпретируется информантами как важная часть истории, которая в то же время напрямую не соотносится ни с существованием Киргизии в составе Российской империи, ни с текущими политическими процессами. Таким образом, можно констатировать, что в структуре исторической памяти существует разрыв между эпохой зарождения киргизского государства и периодом, ассоциированным с влиянием Российской империи и Советского Союза. Этот разрыв обуславливает отсутствие интереса со стороны молодого поколения, которое воспринимает эти процессы как исторические артефакты, укорененные в культурных паттернах, но не социальной реальности. Возможно, данное явление связано с тем, что активное «внедрение» этих событий в национальное самосознание киргизов на официальном уровне происходит механически: изобретаются традиции [28], поддерживающие идею консолидации и уникальности народа без четко выстроенной системы, в которой происходила бы не только трансляция значимости этих событий, но и объяснялось бы, почему они важны и как встроены в современный этап развития киргизской государственности.

Тем не менее это не приводит к формированию каких-либо противоречий или нарушению логики в восприятии различных исторических периодов, скорее определяет иерархию представлений о культурном наследии своего народа, которые играют важную роль в процессе самоидентификации молодых людей.

Важно отметить, что в этой иерархии центрообразующую роль играют представления о советском прошлом республики, которое легитимизирует понимание советского периода как пути совместного исторического развития Киргизской Республики и России. Действия СССР в отношении киргизского государства оцениваются студентами как политика развития, которая способствовала росту благосостояния республики и ее населения. Подобное восприятие советского прошлого воспроизводится в рассуждениях о последствиях распада СССР для Киргизии и нарративах ностальгии, которые апеллируют к опыту родителей и старших родственников респондентов. Таким образом, история существования Киргизской Республики в составе Советского Союза представляет собой ядро системы исторического знания молодого поколения киргизов, вокруг которого формируются и производятся представления и оценки дальнейших социально-политических событий и кризисов, переживаемых Киргизией.

Наиболее явная взаимосвязь указанных событий фиксируется с восприятием нового этапа в существовании Киргизского государства. Нам представляется, что устойчивые ассоциации с советским прошлым и сохранением ностальгии у старших поколений объясняют, почему обретение незави-

симости оценивается как одно из нежелательных последствий распада СССР, а не как фактор укрепления национального самосознания. Это событие — не предмет выбора и волеизъявления народа, а вынужденная мера, которая была сопряжена не только с политическим, но и социально-экономическим кризисом, по мнению информантов. В результате проекция этих событий на последующие процессы приводит к усилению и укреплению нарративов о роли России в истории развития Киргизской Республики.

Таким образом, восприятие России как страны-лидера на постсоветском пространстве, с одной стороны, коренится в исторической памяти молодых поколений о совместном прошлом двух стран как общем пути исторического развития, с другой — определяет жизненные траектории молодых людей, приехавших учиться в Россию. Киргизские студенты рассматривают миграцию и учебу в российских вузах как основу для выстраивания собственного будущего, оценивая высокий уровень российского образования, возможности российского рынка труда, отсутствие социокультурных барьеров в силу знания русского языка и общей истории. Отношение к России как стране возможностей, которая на протяжении многих лет способствовала развитию Киргизской Республики, конституирует представления о миграции в страну не только как о выстраивании личностной траектории, но и как стремление сократить политически обусловленный разрыв, образовавшийся в результате распада Советского Союза.

Важно отметить, как проявляются эти тенденции в интерпретации социально-политических потрясений современной Киргизии, причины которых большинство информантов рассматривают как прямое следствие описанных выше процессов. Восприятие современной истории Киргизской Республики выстраивается на представлениях о национальной трагедии, которая связана с социально-экономическими проблемами (рост цен, снижение уровня жизни, безработица, проблемы в социальном обеспечении, образовании и здравоохранении) и политической нестабильностью. Ответственность за эти проблемы возлагается на руководство республики, которое неспособно выработать эффективные механизмы модернизации страны. Это еще один фактор, актуализирующий обращение к советскому опыту: *«Если бы не это, то наша страна была бы как Монголия, можно сказать: один город и все. А так... много городов, туризм развит... Ну, промышленность, конечно, не развита. Да там вообще ничего не развито... так как люди воруют, им без разницы — своровать и уйти. <...> А вот в Советском Союзе даже если такое и было, то не в таких масштабах, как это у нас сейчас делается».*

В этих условиях респонденты фиксируют расхождение политического сознания элиты и новой реальности, в которой отсутствуют контролирующие механизмы, созданные СССР, ограничивающие коррупцию, клановость, распределение бюджетных средств и т. д. В этих условиях только общество может взять на себя ответственность за трансформацию существующей системы. Иными словами, революции, пережитые Киргизией, проживаются и осмысливаются молодыми людьми через выстраивание причинно-следственных связей между недавним прошлым и новой политической реальностью. Таким образом, историческая память тесно взаимодействует с повседневным знанием, определяя отношение молодежи к истории и политике своей страны и мировоззренческие установки, которые, в свою очередь, влияют на выбор образовательных траекторий, ориентированных на получение образования в России.

Примечательно, что сложная политическая обстановка, сформировавшаяся в феврале 2022 г. в России и на постсоветском пространстве, практически не изменила описанную конфигурацию исторических представлений и нарративов. Несмотря на нежелание погружаться в политический контекст, связанный с украинскими событиями, и отсутствие официальной по-

зиции Киргизской Республики по этому поводу, все участники исследования отмечают последствия для их родины. Прежде всего отмечается увеличение присутствия русского населения за счет усиления миграционных процессов, падение курса рубля и санкции. Первое актуализирует межнациональную повестку на отдельных территориях Киргизии, которая, как становится ясно из интервью, на самом деле связана с усилением нагрузки на экономику и инфраструктуру принимающих городов. Экономические же эффекты оказываются актуальны в связи с ухудшением экономической обстановки в России: в этих условиях миграция в страну оказывается менее экономически выгодной и сопряженной с увеличивающимися рисками для тех, кто планирует или уже переехал из Киргизии в Россию. Угроза санкций со стороны Запада рассматривается молодыми людьми как одна из проблем, по которой у Киргизии нет четко выраженной официальной позиции.

Однако в целом политические последствия этих событий никто из информантов не выделил, отмечая их опосредованное влияние на жизнь и на ситуацию в республике. В то же время некоторые из респондентов высказывали свои опасения, связанные с представлением об экономической уязвимости Киргизии перед другими крупными государствами, проявляющими интерес к Центрально-Азиатскому региону. Наиболее часто упоминалась обеспокоенность ослаблением российско-киргизского сотрудничества и усилением присутствия Китая в стране. Активное сотрудничество в формате продажи территорий Киргизии китайским инвесторам артикулировалось как еще один повод для критики текущего политического режима. Более того, усиление позиций Китая на финансовом, торговом, инвестиционном и других национальных рынках некоторые информанты расценивают как экспансию, которая если не представляет угрозу для страны в целом, то формирует рычаги давления, существенно ограничивающие возможности позиционирования Киргизской Республики на международной арене.

3 Заключение

Вопросы актуальности и значения исторического знания и памяти для современной жизни не только представляют собой управленческую задачу, но и являются частью жизни каждого человека. В своем исследовании мы хотели показать, каким образом конструируется историческая память молодого поколения и какую роль она играет в их жизни. В интервью со студентами Томского государственного университета из Киргизии можно наблюдать комбинацию нарративов о наиболее значимых исторических событиях, которые определяют их самоидентификацию, отношение к родине и стране, в которой они обучаются. Определяющую роль в формировании этого отношения играют представления об общем пути развития с Россией, который соотносится с историей Российской империи и Советского Союза. На них накладываются семейная история и личный опыт, который связан с политическими кризисами независимой Киргизии конца 1990 — начала 2000-х гг. Периферийную часть в этой структуре занимают нарративы о доимперском этапе исторического развития республики, который связан со становлением киргизской государственности. Эти события составляют основу восприятия молодыми людьми себя как части киргизского народа и носителей киргизской культуры, в то же время не имеют прямых взаимосвязей с интересующими их событиями и явлениями.

Соотношение компонентов исторической памяти молодежи основано на том, каким образом ее носители обращаются к историческому знанию, его инкорпорации в повседневное знание [29]. Это, в свою очередь, отражает характер самоидентификации молодых людей в контексте конструирования «воображаемого сообщества» [30] как исторически обусловленного консолидированного общества. В исследовании мы обнаружили, что для молодых людей из Киргизской Республики наиболее значимыми оказыва-

ются события, через призму которых возможно интерпретировать текущие кризисы и потрясения. Это не только формирует ситуацию стабильности в условиях хаоса, но и позволяет сформировать собственные траектории профессионального развития, в которых одной из наиболее предпочтительных оказывается получение образования в России.

Итак, с помощью данного исследования мы продемонстрировали, каким образом конструируется исторический фундамент для укрепления национальной идентичности в новом государстве. Поскольку молодое поколение является одним из важнейших носителей этих установок и ценностей, их изучение позволяет пролить свет на то, в каком контексте молодые люди рассматривают текущую политическую обстановку на постсоветском пространстве. Восприятие киргизской молодежью общего исторического пути развития Киргизии и России как одну из самых значимых страниц истории демонстрирует условия для выстраивания и поддержания кооперации и сотрудничества между государствами и усиления евразийской интеграции. В то же время ориентация молодых киргизов на Россию в выстраивании жизненных и профессиональных стратегий маркирует возможности и потенциал работы с их исторической памятью как инструмент мягкой силы [31, с. 54—73] и усиление позиций в Центрально-Азиатском регионе на фоне усиливающейся политической нестабильности в постсоветском пространстве.

Список источников

1. Ковалев А. А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности // *Управленческое консультирование*. 2017. № 6. С. 40—46.
2. Bell D. S. A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // *British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54, issue 1. P. 63—81.
3. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918—1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии / науч. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2018. 384 с.
4. Формирование социальной памяти молодежи государств — участников евразийской интеграции / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев, М. Л. Вартанова, А. А. Черникова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21, № 3. С. 482—496.
5. Хлевнюк Д. Бернанд Гизен. Триумф и травма // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9, № 2. С. 112—117.
6. Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.12.2023).
7. Международная миграция // Федеральная служба государственной статистики по Томской области. URL: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/32175> (дата обращения: 15.12.2023).
8. Геворкян Г. Н. Особенности коллективной памяти современной армянской диаспоры Москвы // *Человек и культура*. 2020. № 3. С. 33—42.
9. Shukuralieva N. Official Memory and Legitimization in Kyrgyzstan. The Revolutionary Past in the Public Statements of President Kurmanbek Bakiyev after 2005 // *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central Europe* / eds. B. Törnquist-Plewa, N. Bernsand, E. Narvselius. Lund : Media-Tryck, Lund University, 2015. P. 131—148.
10. Artman V. M. The state and the sacred: memory, theology, and identity in Kyrgyzstan. Doctor Thesis. Kansas, 2016. 449 p.
11. Abashin S. Soviet Past and Memory policy in the countries of Central Asia // *Russland und/als Eurasien: Kulturelle Konfigurationen* / eds. Chr. Engel, B. Menzel. Berlin : Frank & Timme, 2018. P. 303—316.
12. Sahadeo J. History, memory and the quest for Conflict resolution in Southern Kyrgyzstan and Fergana Valley // *Interrogating illiberal peace in Eurasia. Critical perspectives of peace and conflict* / eds. C. Owen, Sh. Juraev, D. Levis, etc. N.Y. : Rowman & Littlefield International, 2018. P. 25—54.
13. McGlynn C. The tears of the mothers. Conflict and memory in comparison // *Troubles of the past? History, identity and collective memory in Northern Ireland* / eds. J. W. McAuley, M. Braniff, Gr. Spencer. Manchester : Manchester University Press, 2023. P. 204—221.
14. Harrowel E. From monuments to mahallas: contrasting memories in the urban landscape of Osh, Kyrgyzstan // *Social and Cultural Geography*. 2015. Vol. 16, issue 2. P. 203—225.

15. Ercilasun G. K. Remembered Traditions and Lifestyles of Soviet Kyrgyzstan // *Inner Asia*. 2010. Vol. 12, issue 1. P. 157—175.
16. Dadabaev T. Power, Social Life, and Public Memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan // *Inner Asia*. 2010. Vol. 12, issue 1. P. 25—48.
17. Dadabaev T. Recollecting the Soviet Past: Challenges of Data Collection on Everyday Life Experiences and Public Memory in Post-Soviet Central Asia // *Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Life and Politics during the Soviet Era* / eds. T. Dadabaev, H. Komatsu. N. Y. : Pulgrave Macmillan, 2017. P. 21—38.
18. Hardenberg R. Collective, communicative and cultural memories: examples of local historiography from northern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2012. Vol. 31, issue 3. P. 265—276.
19. Caron-Diotte M., de la Sablonniere R., Sadykova N. The malleability of collective memories: One year after the Tulip Revolution in Kyrgyzstan // *British Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 61. P. 192—213.
20. Chekirova A. Social Media and Cross-Border Political Participation: A Case Study of Kyrgyz Migrants' Online Activism // *Social Sciences*. 2022. Vol. 11, issue 8. P. 1—16.
21. Wang J. Between merchant network and memory work: Islamic cosmopolitanism along the Silk Road // *Asian Anthropology*. 2021. Vol. 20, issue 1. P. 1—18.
22. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 244 p.
23. Assman J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // *New German Critique*. 1995. Vol. 65. P. 125—133.
24. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
25. Павловский А. Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в memory studies? // *Полития*. 2023. № 2 (109). С. 166—194.
26. Курныкин О. Ю. Феномен «множественной идентичности» в современном киргизском обществе // *Известия Алтайского государственного университета*. 2021. № 6 (122). С. 73—78.
27. Плотников Д. С. Изменения в политике памяти в государствах — союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2018. № 1. С. 92—107.
28. *The Invention of Tradition* / ed. by E. Hobsbawm, Ranger T. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 320 p.
29. Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. L. : Penguin Books, 1966. 249 p.
30. Anderson B. *Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. N. Y. : Verso, 1991. 224 p.
31. Франц В. А. Потенциал мягкой силы исторической памяти во взаимном сближении жителей государств Центральной Азии и россиян // *Дискурс-Пи*. 2020. № 3 (40). С. 54—73.

References

1. Kovalev A.A. Evraziyskaya integratsiya kak primer sovremennogo integratsionnogo protsessa v usloviyakh nestabil'nosti [Eurasian integration as an example of the modern integration process in conditions of instability], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, 2017, no. 6, pp. 40-46.
2. Bell D.S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity, *British Journal of Sociology*, 2003, vol. 54, issue 1, pp. 63-81.
3. Lysenko Yu.A. (ed.) *Grazhdanskaya vojna v Stepnom krae i Turkestane (1918—1921 gg.) i otrazhenie dannykh sobytii v istoricheskoy pamyati naseleniya postsovetskoy Tsentral'noy Azii [The Civil War in the Steppe Region and Turkestan (1918-1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia]*. Barnaul, Publ. Altayskogo universiteta, 2018, 384 p.
4. Osadchaya G.I., Kireev E.Yu., Vartanova M.L., Chernikova A.A. Formirovanie sotsial'noy pamyati molodezhi gosudarstv — uchastnikov evraziyskoy integratsii [Formation of the social memory of the youth of the member states of the Eurasian integration], *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology]*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 482-496.
5. Khlevnyuk D. Bernand Gizen. Triumf i travma [Triumph and trauma], *Sotsiologicheskoe obozrenie [The Sociological Review]*, 2010, vol. 9, no. 2, pp. 112-117.
6. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 g. [All-Russian Population Census 2020], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed: 15.12.2023).
7. Mezhdunarodnaya migratsiya [International migration], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki po Tomskoy oblasti [Federal State Statistics Service for the Tomsk Region]*. Available at: <https://70.rosstat.gov.ru/folder/32175> (accessed: 15.12.2023).

8. Gevorkyan G.N. Osobennosti kollektivnoy pamyati sovremennoy armyanskoy diaspory Moskvy [Features of the collective memory of the modern Armenian Diaspora in Moscow], *Chelovek i kul'tura [Man and culture]*, 2020, no. 3, pp. 33-42.
9. Shukuralieva N. Official Memory and Legitimization in Kyrgyzstan. The Revolutionary Past in the Public Statements of President Kurmanbek Bakiyev after 2005, *Beyond Transition? Memory and Identity Narratives in Eastern and Central Europe*. Lund, Media-Tryck, Lund University, 2015, pp. 131-148.
10. Artman V.M. The state and the sacred: memory, theology, and identity in Kyrgyzstan. Doctor Thesis. Kansas, 2016, 449 p.
11. Abashin S. Soviet Past and Memory policy in the countries of Central Asia, *Russland und/als Eurasien: Kulturelle Konfigurationen*. Berlin, Frank & Timme, 2018, pp. 303-316.
12. Sahadeo J. History, memory and the quest for Conflict resolution in Southern Kyrgyzstan and Fergana Valley, *Interrogating illiberal peace in Eurasia. Critical perspectives of peace and conflict*. New York, Rowman & Littlefield International, 2018, pp. 25-54.
13. McGlynn C. The tears of the mothers. Conflict and memory in comparison, *Troubles of the past? History, identity and collective memory in Northern Ireland*. Manchester, Manchester University Press, 2023, pp. 204-221.
14. Harrowel E. From monuments to mahallas: contrasting memories in the urban landscape of Osh, Kyrgyzstan, *Social and Cultural Geography*, 2015, vol. 16, issue 2, pp. 203-225.
15. Ercilasun G.K. Remembered Traditions and Lifestyles of Soviet Kyrgyzstan, *Inner Asia*, 2010, vol. 12, issue 1, pp. 157-175.
16. Dadabaev T. Power, Social Life, and Public Memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan, *Inner Asia*, 2010, vol. 12, issue 1, pp. 25-48.
17. Dadabaev T. Recollecting the Soviet Past: Challenges of Data Collection on Everyday Life Experiences and Public Memory in Post-Soviet Central Asia, *Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Life and Politics during the Soviet Era*. New York, Pulgrave Macmillan, 2017, pp. 21-38.
18. Hardenberg R. Collective, communicative and cultural memories: examples of local historiography from northern Kyrgyzstan, *Central Asian Survey*, 2012, vol. 31, issue 3, pp. 265-276.
19. Caron-Diotte M., de la Sablonniere R., Sadykova N. The malleability of collective memories: One year after the Tulip Revolution in Kyrgyzstan, *British Journal of Social Psychology*, 2022, vol. 61, pp. 192-213.
20. Chekirova A. Social Media and Cross-Border Political Participation: A Case Study of Kyrgyz Migrants' Online Activism, *Social Sciences*, 2022, vol. 11, issue 8, pp. 1-16.
21. Wang J. Between merchant network and memory work: Islamic cosmopolitanism along the Silk Road, *Asian Anthropology*, 2021, vol. 20, issue 1, pp. 1-18.
22. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago, The University of Chicago Press, 1992, 244 p.
23. Assman J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity, *New German Critique*, 1995, vol. 65, pp. 125-133.
24. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.
25. Pavlovskiy A.F. V poiskakh global'noy pamyati: kuda vedet transnatsional'nyy povorot v memory studies? [In search of global memory: Where does the transnational turn in memory studies lead?], *Politiya [Polity]*, 2023, no. 2 (109), pp. 166-194.
26. Kurnykin O.Yu. Fenomen "mnozhestvennoy identichnosti" v sovremennom kirgizskom obshchestve [The phenomenon of "multiple identity" in modern Kyrgyz society], *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University]*, 2021, no. 6 (122), pp. 73-78.
27. Plotnikov D.S. Izmeneniya v politike pamyati v gosudarstvakh — soyuznikakh Rossii na postsovetском prostranstve posle 2014 goda [Changes in memory policy in Russia's postsoviet allies after 2014], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya [Bulletin of the Perm University. Series: Political Science]*, 2018, no. 1, pp. 92-107.
28. Hobsbawm E., Ranger T. (ed.) The Invention of Tradition. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 320 p.
29. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. London, Penguin Books, 1966, 249 p.
30. Anderson B. Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York, Verso, 1991, 224 p.
31. Frants V.A. Potentsial myagkoy sily istoricheskoy pamyati vo vzaimnom sblizhenii zhiteley gosudarstv Tsentral'noy Azii i rossiyan [The potential of the soft power of historical memory in the mutual rapprochement of residents of the Central Asian states and Russians], *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]*, 2020, no. 3 (40), pp. 54-73.

Информация об авторах

Брязгина Диана Евгеньевна — ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация. E-mail: br.diana21@gmail.com

Садырин Антон Алексеевич — ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация. E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Information about the authors

Diana E. Bryazgina — Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: br.diana21@gmail.com

Anton A. Sadyrin — Assistant of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 10.05.2024.